

«ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ» В ТВОРЧЕСТВЕ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Д. В. Мельников (Иеромонах Гавриил)

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 14 января 2019 г.

Аннотация: в статье показано, как «Духовный регламент», созданный архиепископом Феофаном (Прокоповичем) по указанию Петра I, не только привел к искажению церковного строя России, но имел также некоторое положительное значение, повлияв на творчество свт. Тихона Воронежского и Задонского. Созданные последним во исполнение идей «Регламента» произведения для «простого народа» обогатили русскую духовную литературу, а также способствовали постепенному переходу российского общества во всех сферах коммуникации на простой русский язык вместо возвышенного церковнославянского.

Ключевые слова: Духовный регламент, Тихон Задонский, Феофан Прокопович, духовная литература, русский язык.

Abstract: The article under consideration shows how "Spiritual Regulations" created by Archbishop Theophan (Prokopovich), who was instructed by Peter I, led to both the distortion of the Church System in Russia and the positive effect on the St. Tikhon of Voronezh and Zadonsk writing. Pursuing the ideas of "Regulations" for "common people", St. Tikhon created the works which enriched the Russian spiritual literature and also contributed to the gradual conversion of Russian society in all communication areas to the simple Russian language instead of sublime Church Slavonic.

Keywords: Spiritual Regulations, Tikhon Zadonsky, Theophan Prokopovich, spiritual literature, the Russian language.

«Духовный регламент», созданный в 1718–1721 гг. [1, 155–173] еп. Феофаном Прокоповичем (с 1718 г. епископ Псковский, с 1725 — архиепископ Новгородский), нередко и справедливо порицался как законодательная основа и рациональное обоснование для упразднения канонического строя Русской Православной Церкви [1, СХІІІ–СLXXVII]. Однако его влияние на духовную культуру России не следует рассматривать только в негативном ключе. С одной стороны, последствия осуществления неканонических идей «Регламента» сглаживались, очищались, направлялись ко благу Промыслом Божиим: «Духовную коллегию, которую у протестанта перенял Петр, Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод» (свт. Филарет Московский) [10, 214]. С другой стороны, «Регламент» имел и созидательный потенциал. Даже «сторонники старины», по мнению самого крупного исследователя «Регламента» П. В. Верховского, «с течением времени были покорены второй частью («Регламента»/ — и. Г.) — практической». «Источниками второй части Духовного Регламента в общем были данные живой русской действительности, — подытоживает этот ученый свое исследование. — Всевозможные упущения, большие неурядки, суеверия, обрядове-

рие, лицемерие, недостаток просвещения и т.д. — все не были новостью для Руси петровской эпохи... Не сочувствовать доброму желанию насадить поклонение Богу „в духе и истине“, конечно, никто не мог, а вторая практическая часть Духовного Регламента для начала XVIII века была наиболее совершенным сводом того, на что церковной и государственной власти давно следовало обратить более энергичное внимание. И надо отдать справедливость, для русской цивилизации руководившаяся Духовным Регламентом Духовная Коллегия (Священный Синод/ — и. Г.) сделала в два столетия очень много. Понятно поэтому, что вторая практическая часть Регламента в связи с цивилизаторской деятельностью Духовной Коллегии заслонила собою первую теоретическую часть, вводившую в русскую жизнь новые начала в противоречие чистым началам христианства и вековым традициям православного церковного права» [1, 492–493]. В данной работе мы покажем, как созидательный потенциал практической части «Регламента» выразился в рецепции некоторых его замыслов святителем Тихоном Воронежским, Задонским чудотворцем.

Молодой епископ Воронежский и Елецкий Тихон, как и прочие архиереи, был обязан руководствоваться «Регламентом» и его органичным продолжением «Прибавлением о правилах причта церковного и чина

монашеского», написанным тем же автором. В шестом пункте «Прибавления» все священники обязываются либо иметь экземпляр печатного «Регламента», либо переписать для себя его значительную часть («правила общих дел», «правила мирским лицам» и «священником правила» из «Прибавления») [3, 128]. При объездах же епископом приходов священники должны были правила «Регламента» «объявить архиерею», т.е. сдать «экзамен» на знание «Регламента». Свт. Тихон указом от 24 март 1766 г. определяет всем священникам Воронежской епархии в течение полугодия приобрести в Воронеже «печатные духовные регламенты» (они стоили 34 копейки) и «купя часто бы те регламенты читали и по нему поступали непременно». «А ежели который поп... регламента иметь не будет» или «в противность того регламента поступать станет, то с тем яко преступником поступлено будет по строгости законов без всякого упущения» [4, 47–48].

Несомненно, что неукоснительно исполняли «Регламент» и сами архиереи, что доказывается указами свт. Тихона, где он постоянно руководствуется «Регламентом» [4, 7, 9, 10, 16, 21–23, 28–29, 31–32, 47–48, 52, 54, 55, 64, 84–85, 86] наряду с канонами Церкви [4, 21–22, 28–29, 32, 61, 84], указами монархов, в частности, Петра I [4, 60–61, 79–80], Екатерины II [4, 9, 55–56, 62, 66, 68–71, 71–72, 77–78, 84–85], Елисаветы Петровны [4, 10–11, 27, 70], указами и определениями Сената [4, 60–61, 62] и Синода [4, 27, 34, 55–56, 60–61, 66, 68–71, 77–78, 79–80], а также иногда уставными указаниями требника Петра Могилы [4, 29–30]. Он признает обязательность для священников в силу данной ими присяги норм церковных канонов, «Духовного Регламента» и «Генерального Регламента», «Соборного уложения», указов монархов и прочих государственных законов [4, 55]. Обращает не себя внимание тот факт, что каноны церковные (правила святых отцов) свт. Тихон ставит в этом перечне на первое место [4, 55].

Несмотря на приоритет, отдаваемый свт. Тихоном церковным канонам, у исследователя может возникнуть впечатление о чрезмерном, «рабском» его следовании государственному регламентированию церковной жизни. Может показаться, что святитель, как и вся иерархия, был настолько запуган показательным процессом над священномучеником Арсением (Мацеевичем), что и шагу не смел ступить без сверки своего «курса» с государственной политикой. Суд над сщмч. Арсением Мацеевичем роковым образом сказался на состоянии здоровья свт. Тихона, однако нет оснований говорить о его якобы рабской покорности правительственному «курсу». Напротив, будущий святой вполне свободно и творчески использовал положительный потенциал «Регламента», что доказывается следующими соображениями.

Во-первых, свт. Тихон активно использовал «Регламент» и до устрашающего суда над сщмч. Арсе-

нием Мацеевичем, найдя в нем нечто полезное для нужд Новгородской семинарии и нечто перекликающееся с его личным опытом. Действительно, самое раннее дошедшее до нас сочинение святителя Тихона «Инструкция для Новгородской семинарии» (9 октября 1761 г.), написанная им в тот период, когда он нес попечение о своей alma mater в качестве ее ректора и «викарного епископа Новгородского», содержит пять ссылок на «Регламент» и не менее десяти явных реминисценций из этого документа [2]. Фактически «Инструкция» 1761 г. является кратким приложением положений «Духовного Регламента» к местным условиям Новгородской семинарии. В этой «Инструкции» будущий великий духовный писатель заимствует из «Регламента», в частности, упрощенную педагогическую идею: *духовное чтение и дисциплина* ведут к *преображению личности*. Свою педагогику свт. Тихон впоследствии значительно углубит [2], однако важно то, что «Духовный Регламент» намечает достойную, воистину духовную, цель педагогического воздействия: человеку «грубых нравов» «претвориться аки бы в инога», его «уму просветиться», «воле исправиться». К моменту создания «Инструкции» (1761 г.) епископу Тихону, по видимому, было известно из опыта, что значит «претвориться в инога». Келейник святого передает нам его воспоминание из лет учительства в семинарии в 1754–1758 гг.: «В месяце мае ночь была весьма приятная, тихая и светлая: я вышел из келлии на крыльцо... и стоячи размышлял о вечном блаженстве. Вдруг небеса разверзлись, и там такое сияние, и светлость, что бранным языком сказать и умом понять никак невозможно... и я от того чудного явления более горячее желание возымел ко уединенной жизни; и долго после оногo видения чувствовал и восхищался умом, да и ныне, когда вспомню, то ощущаю в сердце моем некое веселье и радость». А другой келейник сообщает, что «небесное отверстие это и в Воронежской епархии повседневно ему воображалось, так что беспрерывно побуждало его, оставив трудное, важное и опасное правление пастырской должности, идти, для лучшего и удобнейшего получения вечного блаженства, на жизнь уединенную» [9, 7, 22–23]. Подобное видение божественного света вряд ли могло быть чисто внешним и не сопровождаться опытом внутреннего просветления.

«Регламент», таким образом, изображал как цель то, что молодой подвижник вкушал в самом опыте (таким образом, столь несложные слова «Регламента» о претворении ученика «в инога» внутренне были свт. Тихону близки, возможно, на весьма глубоком уровне). Однако праведник еще был не столь искушен в духовном делании, чтобы представить своей пастве со всею глубиной путь к воспроизведению этого опыта преобразования. Склонный к молитвенному уединению еще до епископства, совершенно не стремившийся к высокому сану и неожиданно его

получивший, он, вероятно, чувствовал себя в первые годы своего архипастырства (Новгород, 1761–1763 гг., Воронеж, 1763–1767 гг.) не вполне уверенно в этой высокой должности. Не удивительно поэтому, что он ищет надежную опору для своих действий в положениях «Регламента», подтвержденного авторитетом Императора, Сената и Синода, дающего руководство во всех основных направлениях архипастырской деятельности.

Во-вторых, «Регламент» и помимо указанного места о преобразении человека в «иног» декларирует цель христианской жизни вполне корректно: «Ведал бы всяк Епископ меру чести своея... дело пастырское имеет весь поспех и плод от самого Бога, в сердцах человеческих действующаго... Убо точию внешнее дело пастырское есть проповедати, настояти, запрещати благовременно и безвременно, и обряды Таин Святых строити. Дело же внутреннее, еже *обращати сердца* к покаянию и *обновлению жития*, есть единого Бога, благодатию Своею чрез слово и тайнодействие пастырей, аки чрез орудие невидимо действующаго» [3, 40–41]. О власти епископа предавать анафеме «Регламент» учит, что она должна использоваться «в созидание, а не на разорение» [3, 42], что о тяжком грешнике сперва нужно молиться всей общине верующих «Богу, да *умягчит его жестосердие*, и да *сердце чисто сотворит в нем* и преклонит его к покаянию» [3, 45]. О епископе, объезжающем епархию, в «Регламенте» говорится: «слово скажет к священству и народу *о покаянии истинном*, и всяких, наипаче же священническаго чина должностех» [3, 53]. Так и все священнослужители призываются проповедовать «твердо, с доводом Священнаго Писания *о покаянии, о исправлении жития, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностях всякаго чина. Истребляли б суеверие; вкореняли б в сердца людския страх Божий. Словом рещи: испытывали б от Священнаго Писания, что есть воля Божия, святая, угодная и совершенная, и то б говорили*» [3, 86]. За такие слова не упрекнешь автора «Регламента» ни в протестантизме, ни в формализме (хотя в других отношениях Феофан Прокопович навлек на себя подобные нарекания). Это учение о «истинном покаянии», состоящем в «исправлении» «грубых нравов» и «жестких сердец», «обновлении жизни», «очищении сердца», совершающемся Духом Святым в душах людей через Таинства церковные и проповедь Слова Божия, через жизнь в страхе Божиим, следование воле Божией и исполнение христианами своих обязанностей («должностей»). Данную концепцию «Регламента» было незачем использовать как ориентир молодому благочестивому архипастырю, делающему первые шаги на своем архисложном поприще.

В-третьих, как показывают некоторые проповеди свт. Тихона, он не относился к робким, запуганным людям. Так, около 1769–1770 гг., в начале

Русско-Турецкой войны, будучи уже на покое в Задонском монастыре, свт. Тихон собственноручно написал проповедь «О покаянии». В ней он очень смело обличал продажность судей, жестокость помещиков к крестьянам и упадок нравственности в обществе [5]. Проповедь разошлась в списках в городе Ельце, а затем по доносу игумена Троицкого Елецкого монастыря Климента в Синоде началось следствие, и текст проповеди в результате был запрещен [7, 20–21]. Однако и после этого, в 1773 г., Задонский подвижник, продолжая занимать активную пастырскую позицию, без опаски напоминает о своем существовании Синоду. Он в особом донесении в Синод дерзает испрашивать императорского указа для прекращения бесчинного празднования в Воронеже масленицы (Синод не поддержал этого начинания) [6, 439–441, 707]. Он, как видим, уже создав сочинение «О истинном христианстве» (1768–1771), уже глубоко осознав, что подлинное христианство исходит из союза человеческого сердца с Богом, все еще продолжает верить в позитивную роль определенных элементов административного регулирования (возглавляемого монархом) в деле духовно-нравственного воспитания народа, верит в способность гражданской и церковной власти (сросшейся в указах Синода от лица Императора) слышать пастырей и помогать им административными способами. Признавая, что «всякая власть» «от Бога есть», он рассматривает гражданскую и духовную власть как параллельно восходящие к Богу и одна к другой не сводимые [8, Т. III, § 453–454], чем сближается с древнерусской и византийской традицией симфонии священства и царства, но расходится с идеями Феофана Прокоповича, полностью подчинившего священство царству. Однако свт. Тихон ждет от государственной власти помощи в пастырских трудах: «Благочестивым царям долг надлежит защищать и умножать Церковь святыю... о добрых пастырях промышлять, учения полезныя... расширять» [8, Т. III, § 460.7]. При этом русский святой признает за человеком право в некоторых случаях не слушаться властителей: «Так поступали мученики святии... Так ты поступай. Велит тебе твой господин всякую работу отправлять, отправляй: велит неправду делать, обидеть, украсть, солгать, и прочая, не слушай. Грозит за то казнию, не бойся: яко Бога бояться подобает паче... нежели человека, едино тело убивающаго, души же не могущаго убить» [8, Т. III, § 459].

В-четвертых, свт. Тихон, искавший, как мы видели, помощи от узаконений церковных и гражданских даже в 1770-х годах Задонского уединения, тем более искал и находил реальную помощь в правилах «Духовного регламента» в 1760-е годы, когда он, молодой, не подготовленный, неопытный, слабый здоровьем, был неожиданно вынужден нести крест правления огромной и одной из самых нравствен-

но запущенных епархий России. В ту эпоху не было нужды «рабски» следовать «Регламенту», поскольку обращение к его правилам было жизненно необходимым. Все нестроения духовной жизни России, описанные в этом документе, свт. Тихон встречал на каждом шагу своей пастырской деятельности в Воронеже и естественно обращался к «рецептам» «Регламента» за отсутствием других актуальных, современных ответов на эти вызовы времени. Одним из таких вызовов было крайнее невежество как духовенства и кандидатов в духовенство, так и простого народа. С первым свт. Тихон борется открытием, согласно «Регламенту» и насущной необходимости, славянских школ и семинарий, со вторым — созданием книжечек для простого народа. Эта задача ставится в «Регламенте» следующим образом: «А простому народу... нужно есть сочинить *три книжицы небольшие* (курсив мой. — *и. Г.*). *Первую* о... догматах веры наша; тако ж и о заповедях Божиих, в Десятословии заключенных. *Вторую* о собственных всякаго чина должностях. *Третью* таковую, в которой собраны будут с разных Святых учителей ясныя проповеди, как о главнейших догматах, так и наипаче о грехах и добродетелях и собственно о должностях всякаго чина...» [3, 31]. Никто не заставлял Воронежского архиерея взяться за написание такого рода книжечек «о грехах», «добродетелях» и «должностях всякаго чина», «Регламент» не обязывал всех архиереев этим заниматься. Создание «книжечек» для простого народа было желанием сердца самого свт. Тихона, и он отдал этому делу, вместе с подвигом молитвы и милосердия, фактически всю свою оставшуюся жизнь.

В малых сочинениях 1763–1766 гг. он говорит о теме «должностей» вкратце, а к июлю 1767 г. завершает самое крупное сочинение Воронежского периода своей жизни — «Плоть и Дух» [8, Т. I]. Создавая «Плоть и дух», святитель Тихон частично осуществляет замысел третьей «программной» книжицы «Регламента»: на основе «кратких и внятных» цитат из Библии и Св. Златоуста в этом сочинении излагается развернуто учение «о грехах и добродетелях» и элементы учения «о должностях» (обязанностях).

Структура «Плоти и духа» примерно такова: «грехи» — «должности» — «добродетели», порядок разделов еще не вполне соблюден, указанные части смешиваются, например, «должности» попадают внутрь раздела о добродетелях; учение о «должностях» лишь намечено. «Плоть и дух» было, вероятно, написано «на скорую руку» и по болезни святого и по занятости епархиальными заботами, слишком кратки, элементарны, схематичны здесь дополнения Св. Тихона к цитатам Писания и Св. Златоуста. Это простенькие поучения для «простейшего народа», как и предусматривает «Регламент».

В 1768–1771 гг. свт. Тихон на покое в Толшевском, а затем в Задонском монастыре создает гигантскую энциклопедию духовной жизни на простом народном

языке под названием «О истинном христианстве» [8, Т. II–III]. Ее структура вновь соответствует «Регламенту»: «грехи» — «добродетели» — «должности». Однако эти части уже связаны цельным учением о благодатном покаянном переходе от греха к добродетели и затем к жизни во Христе и Его Церкви, жизни в вере, которая приносит плоды в исполнении «должностей» христианских. При этом, свт. Тихон, «нащупав» целостный подход к духовной жизни, своеобразную аскетику для мирян, не был удовлетворен своей работой. Сочинение «О истинном христианстве» по своему великому объему не подходило для чтения в храмах простому народу, как проектировал «Регламент». Стараясь сделать учение Христово подлинно доступным для всех слоев общества, Задонский праведник на основе опыта, полученного им при написании «О истинном христианстве», создает небольшие по объему шедевры духовной литературы XVIII в. Это «Краткие нравоучительные слова» (ок. 1776–1777 гг.) и «Наставление христианское» (ок. 1778 г.) [8, Т. V].

Уже после кончины (1783 г.) свт. Тихона по инициативе митрополита Гавриила (Петрова) эти два сочинения были особым образом соединены воедино и изданы в 1788 г. под названием «Наставление о собственных всякаго христианина должностях». Но уже при подготовке этого текста к печати, в 1787 г., Синод признал именно эту книжицу второй составляющей трилогии, предусмотренной «Регламентом», тогда как первой книжицей признал «Православное учение или Сокращенная христианская богословия» (издана в 1765 г.) митр. Платона (Левшина), а третьей книжицей — «Краткия поучения из разных св. отец и учителей» митр. Гавриила (Петрова), изданные в 1780 г. [1, 394–395]. Таким образом, потребовалось 67 лет для осуществления идеи «Регламента» о трех книжках для народа. Однако это осуществление не стало точным исполнением замысла «Регламента»: по мнению П. В. Верховского, «эти книги вовсе не были малыми «книжками». ... Широкого употребления они не получили ни в качестве наставления для ставленников, ни в качестве катехизических чтений для народа» [1, 396]. Думается, что ошибкой митр. Гавриила (Петрова) и Синода было объединение двух, действительно малых, книжечек свт. Тихона в одну, и публикация этой объединенной книги славянским шрифтом. Несмотря на то, что объединенная книга «Наставление о собственных всякаго христианина должностях» выдержала огромное число изданий в XIX вв., вполне возможно, что эта инициатива Синода не получила масштабного отклика в народе. Одной из причин этого могло быть указанное искажение Синодом первичного замысла самого свт. Тихона. Он создавал краткие книги на легком, народном языке, Синод же скомпилировал книгу удвоенного объема и напечатал ее отпугивающим славянским шрифтом.

Тем не менее, своими поздними произведениями («Краткие нравоучительные слова», «Наставление христианское», «Сокровище духовное, от мира собираемое») свт. Тихон Воронежский (Задонский) внес важный вклад в создание русского литературного языка. Он ориентировался, во-первых, на указание «Регламента» о создании «книжечек» для простого народа (что соответствовало и идеям Петра I о создании универсальной книги на языке доступном как для горожан, так и для поселян [11, 107–108]), во-вторых, на свой богатый пастырский и личный опыт общения с простым людом Воронежской глубинки, в-третьих, опирался при создании своих текстов на выполненный Симеоном Тодорским и изданный в Галле в 1735 г. миссионерский перевод сочинения «О истинном христианстве» И. Арндта на несколько «сниженный» славяно-русский язык. Как показывают исследования, переводы Симеона Тодорского, выполненные в Германии, преследовали цель преподнести тексты о христианской нравственности и благочестии на языке, доступном для всех русских людей [11, 107–111].

Таким образом, тексты свт. Тихона приучали пастырей (молодой свт. Филарет Московский еще в 1815 г. приобрел самое первое «полное собрание сочинений» свт. Тихона Задонского 1801 г. [5, 421]), назидая паству, а значит и всегда, постоянно, говорить на народном языке. Тем самым возвышался и сам общенародный русский язык, в истории духовного обогащения и возвышения которого свт. Тихон оказывается, таким образом, одним из предшественников А. С. Пушкина. Легкий же слог и поэзия русскоязычных «Кратких нравоучительных слов» свт. Тихона служат тому подтверждением и ждут пристального внимания ученых филологов.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Мельников Д. В. (Иеромонах Гавриил), клирик Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря, старший преподаватель Липецкого государственного педагогического университета имени Семенова-Тян-Шанского, кандидат богословия СПбДА

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент» / П. В. Верховской. — Р-н/Д., 1916. — Т. 1. — 690 с.
2. Гавриил (Мельников Д. В.) иеромонах. Ранние произведения свт. Тихона Задонского и эволюция его взглядов / Д. В. Мельников // «Вестник Русской христианской гуманитарной академии», год 2018, том 19, выпуск 1. — С. 63–72.
3. Духовный Регламент. — М.: 1818 г. — 255 с.
4. Олейников. Т. Святитель Тихон в Воронеже / Т. Олейников // Воронежская старина. — Воронеж: Издание Воронежского церковно-археологического комитета, 1915–16 гг. — С. 3–88.
5. Прилежаев Е. И. Одна из неизданных проповедей свт. Тихона Задонского / Прилежаев Е. И. // Христианское чтение. — 1878. — № 9–10. — С. 413–422.
6. Святитель Тихон Задонский: Избранные труды, письма, материалы. — М.: ПСТГУ, 2004. — 752 с.
7. Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История в лицах / Л. А. Секретарь — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014 г. — 255 с.
8. Тихон Задонский, свт. Творения — М., 1889. — Т. I–V.
9. Записки о святителе Тихоне его келейников В. И. Чеботарева и И. Ефимова // Тихон Задонский, свт. Творения — М., 1889. — Т. V — 58 с.
10. Цыпин Владислав, прот. Высшее управление Русской Православной Церкви. 1700–1999 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000 г. — С. 213–229.
11. Челбаева Т. «Русские книги» из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа / Т. Челбаева. — Диссертация. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015. — 284 с. — Режим доступа: <https://d-nb.info/1116950537/34> (дата обращения 30.01.19).

Lipetsk state pedagogical University P. P. Semenov-Tyan-Shansky

Melnikov D. V. (Hieromonk Gabriel), a clergyman of Zadonsk Mother of God Nativity Monastery, a senior teacher of the Lipetsk State Pedagogical University named after Semyonov-Tyan-Shansky, a Ph.D. in Theology area, SpbDA.